

УДК 94(476) “1905/1907”

Е.В. КУЛАБУХОВА

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ В РЕВОЛЮЦИИ 1905 – 1907 гг.

В статье освещается социально-политическое положение Российской православной церкви (РПЦ) в белорусских губерниях накануне и в годы Первой российской революции. Согласно законам Российской империи в начале XX в. православная вера занимала доминирующее положение по сравнению с другими христианскими вероисповеданиями. Указ о веротерпимости, как и Манифест 17 октября 1905 г., не пошатнул позиций РПЦ. Как и раньше, государственные законы оставляли за ней право “первенствующей и господствующей”. Особенностью церковно-государственных отношений в то время был строгий контроль со стороны правительства за жизнью церкви. Ни один серьезный вопрос не решался без одобрения императора или губернской администрации. Сочетание интересов самодержавия и православия традиционно считалось основной опорой как церкви, так и государства.

Введение

В начале XX в. белорусские земли входили в состав Российской империи и состояли из пяти губерний: Минской, Витебской, Виленской, Гродненской и Могилевской. В этих губерниях существовало, соответственно, пять епархий: Минская, Полоцко-Витебская, Литовско-Виленская, Гродненская и Могилевская. В каждой епархии имелась кафедра викарного епископа (в Слуцке, Двинске, Ковно, Белостоке и Гомеле).

Российская империя вступила в XX век с рядом нерешенных проблем, которые стали причиной нарастающего кризиса в обществе относительно внутренней политики, проводимой государством в то время. В начале XX в. РПЦ оставалась частью государственного механизма и представляла собой многочисленную и разветвленную организацию. Духовенство было полностью интегрировано в самодержавную систему власти, т.к. наряду со своими прямыми религиозными функциями оно выполняло еще и функции государственных чиновников (регистрация актов гражданского состояния; составление списков юношей, пригодных в рекруты и т.д.). Николай II не освободил церковь и от полицейских функций, возложенных на нее еще Петром I. Отличительной чертой церковно-государственных отношений в то время был жесткий контроль со стороны правительства за жизнью церкви. Ни один серьезный вопрос по ее управлению не мог быть решен без одобрения императора, а на местах – без согласования с губернской администрацией [1, с. 121]. Сочетание интересов самодержавия и православия до 1917 г. традиционно считалось в Российской империи основной опорой и государства, и церкви.

Основная часть

Положение и деятельность РПЦ в российском государстве регулировалось законодательными актами. Так, согласно законам “Христианская Кафолическая Восточного исповедания” вера была первенствующей и господствующей, “хранителем ее догматов и блюстителем правоверия” считался император, в церковном управлении действовавший посредством Священного синода [2, с. 17].

Особенность положения в значительной степени определялась тем, что обер-прокурор при Синоде с 1835 г. получил права министра, благодаря чему он стал посредником между церковью и верховной властью. Все дела, касающиеся православного духовного ведомства, представлялись в высшие государственные учреждения и императору непосредственно через обер-прокурора, который, таким образом, стал фактически правителем церкви, осуществляя наблюдение за ней при помощи централизованного бюрократического аппарата. То есть епископы являлись лишь “ставленниками и орудиями Синода”, который сам “посредством обер-прокурора есть орудие государственной власти. Епископами повелевал Синод, Синодом – обер-прокурор, а последним – император” [3, с. 24].

В епархиях сохранялось двоевластие: епархиальный архиерей и духовная консистория, которая и была подотчетна не только синодальной бюрократии, но и местной государственной власти, т.к., в отличие от иных конфессий, требовалась санкция светской власти на то, чтобы открыть, например, больницу или новый приход [4, с. 5-6]. Но привычка надеяться на государственную помощь, в том числе и финансовую, не могла заставить отказаться от первенства среди других вероисповеданий.

Следует подчеркнуть, что официально отмечались праздники только православной церкви. В эти дни государственные учреждения и учебные заведения были закрыты, запрещалось совершать наказания по судебным приговорам. К праздничным дням, в соответствии с законом, были отнесены все воскресные дни в году, все двенадцатые праздники, некоторые дни памяти святых, а также дни рождения и тезоименитства императора, императрицы, наследника престола, дни восшествия на престол и коронация. Но стоит заметить, что власть, не имея эффективных инструментов воздействия на народные массы, “переложил”, таким образом, всю тяжесть идеологической кампании по подъему гражданского духа и патриотического сознания населения “на плечи” православной церкви. Это диктовалось и практическим расчетом. В праздничных литургиях, молебнах участвовало неизмеримо большее количество людей, чем в других мероприятиях, а это значит, что только церковная служба могла объединить все слои общества в единое целое.

Таким образом, в начале XX в. православная церковь на белорусских землях, входивших в состав Российской империи, наделенная статусом “первенствующей”, занимала доминирующее положение по сравнению с другими христианскими вероисповеданиями, что, однако, не обеспечивало невмешательства во внутренние дела государственных органов [3, с. 22].

Государственное подчинение нарушало важнейшее каноническое правило внутрицерковной жизни – соборность. Вопрос о церковных реформах в течение многих десятилетий был запрещенным. И поднимать его, по мнению С. Фирсова, было не столько опасно, сколько бесполезно, так как обер-прокурор Св. синода К.П. Победоносцев искренне полагал, что именно в церкви хранится необходимый России “запас простоты”, надеялся, что духовные средства позволят обойтись без переустройства “учреждений”. По мнению К.П. Победоносцева, любые разговоры о реформировании строя церковного управления мешали “нормальному” течению государственной жизни, поскольку церковь и царство в Российской империи представляли собой нераздельное целое. Идея церковной реформы не воспринималась Победоносцевым, т.к. он полагал, что быстрое и глубокое разрастание преобразований, связанных со взаимоотношениями церк-

ви и государства, грозит “опасностью подорвать самые основы, на коих зиждется вся жизнь государственная и народная”. Стремясь вернуть церковь к “исконным” основам, обер-прокурор ограничивал в ее жизни начала самоуправления и автономии. Несмотря на то что на протяжении почти двух столетий православная церковь существовала в теснейшей зависимости от государства и представить последствия даже частичного пересмотра синодальной системы при всем ее несовершенстве было непросто, современники понимали, что вопрос из теоретической плоскости неминуемо должен перейти в практическую. В начале XX в. на страницах газет и журналов (как церковных, так и светских) стали публиковаться статьи, осуждавшие существовавшие в Российской империи церковно-государственные отношения, унижительное положение церкви в обществе, падение ее авторитета и т.п. Суть критики сводилась к следующему: требовалось ослабление государственного контроля, предлагались различные меры по решению церковного вопроса [5, с. 13, 16, 411, 412, 417].

В начале XX в. среди священнослужителей крепло представление о Поместном соборе как о решительном шаге в деле упорядочения церковной жизни, включая государственно-церковные отношения. С. Фирсов заметил, что в проекте манифеста от 26 февраля 1903 г. [6, с. 113-114] имелся пункт, предполагавший разработку условий, “на которых могла бы быть расширена разумная свобода слова и совести, в согласовании оной с духом нашей Церкви и государственного строя”. Однако в окончательной редакции Николай II вычеркнул статью о свободе слова, фактически исключив и статью о свободе совести. Несмотря на это, важно отметить, что наряду с вопросом о положении православной церкви все-таки рассматривался и вопрос о свободе совести. Значит, светские власти понимали их взаимосвязь, хотя и не вполне представляли, как “технически” сохранить первенство и одновременно претворить в жизнь принцип свободы совести. С другой стороны, заявив в манифесте о необходимости участия клириков в жизни паствы, власти показали свою заинтересованность в большей, чем наблюдалось ранее, социальной активности православной церкви и выразили неудовлетворенность состоянием религиозного окормления мирян [5, с. 23].

Реформы в сфере религиозной политики активно готовились на протяжении 1904 г., результатом чего вполне можно считать подписание Николаем II 12 декабря 1904 г. указа “О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка” [7, с. 1196-1198]. Император возвещал: “Мы всегда имели сердечное стремление обеспечить каждому из наших подданных свободу верования и молитв по велениям его совести”. Для разработки рекомендаций по выполнению шестого пункта указа “Об укреплении начал веротерпимости” было организовано Собрание министров и председателей департаментов Государственного совета. Перед этим органом была поставлена задача пересмотреть “указов о правах раскольников, а равно и лиц, принадлежавших к инославным и иноверным исповеданиям”. Речь о православной церкви не шла. Однако, как позднее писал митрополит Евлогий (Георгиевский), именно “реформа государственного устройства повлекла за собой и проект реформы Церкви” [5, с. 33-34]. На заседании комитета министров Петербургский митрополит Антоний (Вадковский) говорил о том, что государство должно видеть свою главную задачу не в ограничении прав иноверцев, а в том, чтобы как можно больше дать возможностей самой православной церкви в осуществлении своей деятельности [4, с. 10]. Положение РПЦ, продолжавшей пребывать под опекой и мелочным контролем

государства, побудило митрополита Антония (Вадковского) направить Николаю II записку “Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви”, в которой подчеркивалось то, что “освобожденная от прямой государственной или политической миссии, Церковь могла бы своим возрожденным нравственным авторитетом быть незаменимой опорой православного государства”.

Одновременно с митрополитом и С.Ю. Витте, тогда председатель Комитета министров, внес на обсуждение Комитета свою записку “О современном положении Православной Церкви”. Рассуждая с политической точки зрения, “мертвящее веяние сухого бюрократизма” он хотел ослабить пробуждением общественной деятельности. “Государству нужна от духовенства сознательная, глубоко продуманная защита его интересов, а не слепая вера в современное положение”.

В записках митрополита Антония и Витте подчеркивалось, что с предостережением конфессиональной свободы все религиозные объединения империи будут в более выгодном положении, чем православная церковь, пребывающая и далее под мелочным контролем государства и лишённая возможности организовывать свою жизнь по собственному усмотрению. Записка-меморандум митрополита Антония стала четким документом, излагающим основные насущные вопросы русской церковной жизни, включающие созыв Поместного собора, которые надо было как можно скорее решать [4, с. 11]. В записке Витте вся петровская система управления церковью объявлялась незаконной, держащей церковь в “состоянии паралича”.

Проблема церковного реформирования была осложнена тем, что постановка ее совпала по времени с началом Первой российской революции и крупными изменениями в политическом строе.

1905 год был переломным не только для российской государственности, но и для РПЦ, чьи надежды на реформы и созыв Поместного собора также пришлись на время политических бурь. Но преобразование и обновление церкви стало и государственным делом, т.к. в церковной реформе власти, терявшие контроль над страной, видели одну из возможностей успокоить часть общества.

“Именным Высочайшим Указом Правительствующему Сенату” 17 апреля 1905 г. [8, с. 258-259], изданным в осуществлении “сердечного стремления монарха обеспечить каждому из его подданных свободы верования и молитв по велению его совести”, было повелено признать, что переход из православия в другое христианское вероисповедание не должен влечь за собой ни преследования, ни каких-либо ограничений личных или гражданских прав. Свободу вероисповедания получала многомиллионная масса старообрядцев. Указ освобождал “инославное” (христианских неправославных конфессий) духовенство от воинской повинности. Это был формальный отказ от прежнего положения, которое всего десять лет назад было провозглашено как непоколебимый догмат Победоносцевым: “Государство признает одно вероисповедание из числа всех истинным вероисповеданием и одну церковь, исключительно покровительствует и поддерживает к предосуждению всех остальных церквей и исповеданий”.

27 июля 1905 г. был издан указ о том, чтобы архиереи представили свои мнения о целесообразности церковных преобразований [4, с. 15]. Указ был издан по совету К.П. Победоносцева, который возлагал надежду на консерватизм провинциальных епископов. Но его расчеты не оправдались. Епископат живо откликнулся на запрос Св. Синода: с октября 1905 до весны 1906 г. в духовное ведомство поступали “отзывы”, “записки”, “мнения”, “предложения” архиереев о кардиналь-

ной перестройке всей синодальной системы [5, с. 50]. Были предложены разные пути по восстановлению патриаршества и других преобразований церковной жизни. Мнение будущего патриарха Сергия (Страгородского) в вопросе восстановления патриаршества было особенным. Учитывая то, что церковь управляется бюрократически и назначенные сверху епископы не являются представителями верующих и не пользуются таким авторитетом, чтобы обеспечить согласие всей церкви с их решениями, он считал, что Собор должен включать выборных представителей мирян и приходского духовенства с решающим голосом.

Епископы пяти белорусских епархий в своих отзывах также высказывались за проведение преобразований в РПЦ. Они поддержали идею о предстоящем избрании патриарха, о созыве Поместного собора для решения всех внутрицерковных вопросов. По их мнению, правом решающего голоса на предстоящем Соборе должно обладать только епархиальное начальство, а миряне и рядовые священники – только совещательным голосом [9, с. 73, 143, 195, 328].

По мнению епископа Полоцкого Серафима, способ избрания представителей мирян на Собор должен быть последовательным: “Прихожане церкви избирают на приходском сходе, без участия причта, выборщика. Затем эти приходские выборщики собираются по благочиниям совместно с духовенством” и избирают двух выборщиков – одного от духовенства, другого от мирян. От каждой епархии на Поместном соборе должно было присутствовать не менее двух представителей. Предполагалось выборы в приходах сделать открытыми, а далее – закрытыми. Епископ Полоцкий Серафим считал, что никакими условиями нельзя “стеснять свободу выборов” [9, с. 195, 196]. Такого же принципа придерживался и епископ Литовский Никандр.

Епископ Могилевский Стефан считал, что “собору поместному” должны предшествовать “соборы областные митрополичьи”, а им – “соборы епархиальные”, последним – “благочиннические и приходские собрания”, чтобы таким образом могло быть осуществлено представительство клира и мирян как от низших, так и от высших организаций. Поместному собору как “свободному и полномочному органу” должна принадлежать вся полнота власти [9, с. 143-145].

Вниманию было уделено проблеме реорганизации епархиального управления. По этому поводу высказывались различные предложения. Епископ Могилевский Стефан указывал на то, что к “улучшению епархиального управления” приведет широкая его децентрализация, то есть образование небольших административных единиц, которые самостоятельно будут заниматься решением дел, “подлежащих ныне ведению епархиального центрального управления” [9, с. 129-130]. Епископ Минский Михаил выступал за “освобождение консистории от ненужной обремененности” через предоставление ей большей самостоятельности “в канцелярском делопроизводстве” [9, с. 74]. Епископ Гродненский Никанор считал, что епархиальное управление “должно быть совершаемо через совет при епископе”, а все важные дела “могут быть разрешаемы” на ежегодном епархиальном соборе духовенства и мирян [9, с. 225]. Епископ Полоцкий Серафим выступал за объединение органов епархиального управления-консистории, училищного совета по церковным делам, епархиального попечительства о бедных и миссионерского комитета в одно целое [9, с. 203, 204].

Одобрены архиереи и принцип разделения Российской империи на церковные округа. Например, епископ Минский Михаил подчеркивал, что “при огромности государства, при многомиллионном количестве православных в централь-

ном управлении церковью скопляется множество церковных административных дел". Во избежание перегруженности работой центральных учреждений в дальнейшем он предлагал два варианта решения этой проблемы: расширить права епископов или разделить страну на церковные округа, находящиеся в полной зависимости от центрального управления [9, с.73, 74].

Отдельную позицию в вопросе разделения империи на церковные округа занимал лишь епископ Гродненский Михаил, сменивший на этой должности Никанора. По его мнению, это привело бы к осложнению внутрицерковной жизни, к "чрезмерному развитию канцелярщины" и "крайней затяжке в решении дел" [10, с. 807].

Архиереи затронули вопрос о преобразовании церковного суда [9, с. 74, 75, 135, 197-203; 10, с. 332, 333], вопрос о епархиальных съездах [9, с. 81-83, 85, 86, 131, 136, 206-208, 219, 220; 10, с. 336, 337], о реформировании духовно-учебных заведений [9, с. 78, 79, 136, 215-219, 225], о реформировании прихода [9, с. 75, 76, 124-128, 210-214, 225; 10, с. 333, 334].

Таким образом, архиереи пяти белорусских губерний на страницах отзывов в Св. синод в 1905 г. показали себя сторонниками реформирования института. Будучи едиными в намерениях по преобразованию "первенствующей и господствующей" религии, они расходились лишь в деталях по достижению намеченных целей.

17 декабря 1905 г. Николай II принимал трех митрополитов и дал указание о подготовке к проведению Собора "в ближайшее по возможности время". Но следует отметить, что прием митрополитов проходил в то время, когда в Москве продолжалось вооруженное восстание. И это совпадение было не случайным. Церковь по-прежнему являлась для самодержавия важнейшим средством идеологической обработки народных масс. По замыслу правительства Собор должен был оживить церковную проповедь и вновь подчинить влиянию церкви те слои населения, которые вышли из-под ее контроля. Ни что в это время не мешало созвать Собор. Но примечательно то, что высшее духовенство на этот раз действовало нарочито медленно. Иерархов, очевидно, пугала сложность внутриполитического положения, вызывали опасения и разногласия в самом духовенстве.

По инициативе митрополита Антония (Вадковского) и архиепископа Сергея (Страгородского) Св. синодом было создано Предсоборное присутствие из представителей духовенства и мирян. Произошло это, когда 16 января 1906 г. последовало высочайшее повеление учредить при Св. синоде Особое присутствие для подготовки к Собору.

Так, с 8 марта (с 6 марта – по мнению А. Николина и И.К. Смолича) по 15 декабря 1906 г. (со значительным пятимесячным перерывом с 13 июня по 1 ноября) по разрешению царя заседало Предсоборное присутствие, на котором не все участники высказались за восстановление патриаршества. Следует отметить, что противником восстановления патриаршества был и П.А. Столыпин, предпочитавший использовать церковь в качестве собственного рычага правительства для влияния на народ.

Работа Предсоборного присутствия происходила в семи отделах и в общем собрании. Отделами руководили и архиепископы белорусских епархий. Так, вторым отделом Предсоборного присутствия руководил архиепископ Литовский Никандр. В этом отделе рассматривался вопрос о разделении Российской империи на митрополичьи округа, об их организации и о преобразовании местного церковного управления. Четвертый отдел, председателем которого был назначен Могилевский епископ Стефан, исследовал одни из наиболее болезнен-

ных в церковной жизни вопросов – о благоустройении прихода, о церковной школе, о порядке приобретения церковной собственности, о епархиальных съездах и участии священнослужителей в общественных и сословных учреждениях [5, с. 54, 55]. Епископ Стефан (Архангельский) предлагал план реформ не сверху, а снизу: за реформой прихода как основной ячейки церкви следует реформа благочиний, затем епархиальных управлений и, наконец, высшего церковного управления.

Несмотря на то что в ходе обсуждения на пленарных заседаниях Предсоборного присутствия шла острая борьба между сторонниками радикальных реформ и их противниками (“традиционалистами”), члены Предсоборного присутствия пришли к заключению, что старые церковно-государственные отношения нужно лишь скорректировать, но принципиально не менять: они должны были строиться на факте принадлежности к православию русского царя [5, с. 423].

В процессе работы Предсоборного присутствия в апреле 1906 г. произошли изменения Основных законов Российской империи, была установлена Дума как законодательный орган власти, был принят указ о веротерпимости. Это еще более взволновало членов Присутствия, т.к., по их мнению, положение могло ухудшиться еще и потому, что ею, кроме царя, будет командовать еще и далекая от веры Дума, хотя поначалу Дума воспринималась ими как объединяющая сила всей Российской империи.

Присутствие предложило проект изменений Основных законов Российской империи, содержащий в себе 12 пунктов. Они должны были в условиях появления Государственной думы еще до Собора защитить церковь от вмешательства светских органов власти [4, с. 38].

Осенью 1906 г. стало ясно, что Предсоборное присутствие вскоре должно завершить свою деятельность [5, с. 57]. Трудно предположить, что заставило властей даже назначить конкретную дату завершения работы Предсоборного присутствия. Можно лишь отметить тот факт, что начало оно свою работу в один из наиболее острых периодов борьбы с революцией, а завершило в то время, когда революция была почти полностью подавлена. Возможно, снижение интереса светских властей к созыву Поместного собора было связано со стабилизацией политической обстановки в стране, т.к. в таких условиях укрепление церковной самостоятельности могло повлечь за собой корректировку церковно-государственных отношений [5, с. 53, 54].

Революция доказала, что метод сдерживания жизни в неизменных “формах”, которого придерживался Победоносцев, был для церкви весьма вреден и не спас ее от политических катаклизмов 1905 и последующих годов. Видимо, поэтому в эпоху думской монархии главная конфессия Российской империи по целому ряду вопросов, затрагивавших ее интересы, проявляла инициативу и активность.

Материалы Присутствия стали доказательством богословской зрелости и правильного понимания социальных вопросов тех лет, опровергая миф о пресловутой “реакционности” и исторической “отсталости” православных архипастырей, пастырей и активных мирян.

В 1905 г. Св. синод пытался добиться от императора согласия на созыв Поместного собора в Москве для избрания патриарха и обсуждения церковных преобразований. Но Николай II откладывал разрешение этих вопросов до “лучших времен”. Так, 25 апреля 1907 г. на сводный доклад Присутствия, представленный государю, была наложена резолюция: “Собор пока не созывать” [4, с. 41].

Возможно, потеряв с реформой 1905 г. прямую политическую власть над народом, царь воспринимал церковь как еще остающийся у него канал духовной связи с народом и некой духовной власти над ним.

Начиная с 1906 г. представители РПЦ, в том числе священнослужители белорусских губерний, активно участвовали в работе Государственной думы. Здесь нужно обратить внимание на то, что современниками еще тогда был поднят волнующий их вопрос: правомерно ли вмешательство депутатов (часть которых была инославной, а часть – вовсе неверующей), получивших право обсуждать церковные дела, вмешиваться во внутреннюю жизнь церкви. Разрешить этот вопрос можно было лишь реформированием существовавших в то время церковно-государственных отношений. Без созыва Собора подобное оказывалось невозможно. Круг опять замыкался на церковной реформе [5, с. 73].

Заключение

Таким образом, в начале XX в. священнослужители уже четко осознавали необходимость созыва Поместного собора, который упорядочил бы церковную жизнь, включая государственно-церковные отношения. 1905 год стал переломным не только для российской государственности, но и для РПЦ, чьи надежды на реформы и созыв Поместного собора пришлись на время политических бурь. Проблема церковного реформирования оставалась нерешенной, а дата созыва Поместного собора все время откладывалась. Революция доказала, что метод сдерживания жизни в неизменных “формах”, которого придерживался К.П. Победоносцев, был для церкви весьма вреден и не спас ее от политических катаклизмов 1905 и последующих годов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Табунов, В.В.** Епископ Могилевский и Мстиславский Стефан (Н. Архангельский) о реформе православной церкви в начале XX столетия / В.В. Табунов // Гістарычнае і сацыякультурнае развіццё Магілёва : зб. навук. прац / уклад.: І.А. Пушкін, В.В. Юдзін. – Магілёў : Могилев. обл. укр. тип., 2007. – С. 121–125.
2. Свод Законов Российской Империи. – СПб., 1906. – Т. I. – Ч. 1.
3. **Табунов, В.В.** Положение православной церкви на белорусских землях в конце XIX – начале XX века / В.В. Табунов // Материалы научно-методической конф. преподавателей и сотрудников по итогам научно-исследовательской работы в 2006 г., 7-8 февр. 2007 г.; под ред. А.В. Иванова. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2007. – С. 24–26.
4. **Митрофанов, Г.** История Русской Православной Церкви. 1900 – 1927 / протоиерей Георгий Митрофанов. – СПб. : Статис, 2002. – 442 с.
5. **Фирсов, С.Л.** Церковь в Империи: очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II : документы, воспоминания, свидетельства / Сергей Фирсов. – СПб. : Сатис, 2007. – 462 с.
6. Манифест “О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка” // Полное собрание законов Российской империи : в 33 т. – 3-е изд. – Собрание Третье. – Том XXIII. – 1903. – Отделение I. – СПб., 1905.
7. Именной высочайший указ “О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка” // Полное собрание законов Российской империи : в 33 т. – 3-е изд. – Собрание Третье. – Том XXIV. – 1904. – Отделение I. – СПб., 1907.
8. Именной высочайший указ Правительствующему Сенату “Об укреплении начал веротерпимости” // Полное собрание законов Российской империи : в 33 т. – 3-е изд. – Собрание Третье. – Том XXV. – 1905. – Отделение I. – СПб., 1908.
9. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе : в 2 ч. / [Ист. введ. А.Ю. Полунова, И.В. Соловьева, с. 3–38; редкол.: В. Чаплин и др.]. – М. : Изд-во Крутиц. подворья, 2004. – Ч. 1. – 840 с.

10. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе : в 2 ч. / [Ист. введ. А.Ю. Полунова, И.В. Соловьева, с. 3–38; редкол.: В. Чаплин и др.]. – М. : Изд-во Крутиц. подворья, 2004. – Ч. 2. – 1031 с.

Поступила в редакцию 31.05.2012 г.